

СЛЕЗА ДРАКОНА

ЛИНА ВЕЙ

ена

ла в музее
чала о пожаре
никто не слышал.
нь рядом?

Не смотри в слезу.
Она смотрит на тебя.

— про
неиз
— матер
— свойствен
хран
усили

опасно! не
из хранения

Лина Вей

Слеза дракона

<https://litres.ru/74314569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алёна, молодой реставратор в городском музее, получает из закрытого фонда загадочный опал — камень с тревожной, почти живой красотой. Сначала вспышки видений кажутся ей галлюцинациями: чужие лица, далёкие пожары, чьи-то последние мгновения. Но очень скоро она понимает: это не сбой уставшего сознания, а голос самого камня.

Опал реагирует на её страх и жар тела: чем сильнее стресс, тем ярче он «горит» изнутри, открывая Алёне сцены из прошлого — и не просто показывая их, а будто приближая ту самую трагедию, которая уже столько раз повторялась. Каждый, кто держал этот камень, погибал при «случайном» пожаре. И теперь смерть подбирается к Алёне.

Содержание

Пролог. Шёпот старика	4
Глава 1. Закрытый фонд	12
Глава 2. Пятно на стекле	21
Глава 3. Странный звонок	28
Глава 4. Первая ночь	36
Глава 5. Случайный ожог	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Слеза дракона

Пролог. Шёпот старика

Комната пахла старой бумагой, воском и чуть-чуть — дымом, будто где-то неподалёку тлел забытый уголёк. Это был кабинет, в котором время будто застыло: тяжёлые бархатные шторы приглушали уличный свет, книжные полки гнулись под тяжестью фолиантов, а на столе, накрытом зелёным сукном, лежали латунные инструменты для переплета, стопки пожелтевших писем и маленькая медная лампа с треснувшим стеклом.

Старик сидел в глубоком кресле у окна, и пальцы его дрожали, когда он держал в ладонях опал. Камень не был похож на обычные драгоценные камни — в нём не было холодной прозрачности алмаза или ровной глубины изумруда. Он был словно застывшее пламя: слоистый, с переливами от янтарного до тёмно-багрового, будто внутри него всё ещё жила искра.

— Этот опал не камень, — прошептал старик, не сводя глаз с переливчатого блеска. — Это слеза дракона, и она помнит, как он сгорал. Не дай ей проснуться.

Он говорил тихо, будто обращался не к кому-то, а к самому камню, пытаясь удержать в себе ту силу, что шевелилась в глубине минерала. Его голос дрожал не от старости, а от

страха — страха древнего, почти звериного, который приходит, когда знаешь, что держишь в руках не вещь, а память о катастрофе.

В этот момент за окном сверкнула молния — резкая, ослепительная, будто небо раскололось надвое. На долю секунды комната озарилась мертвенным светом, и в глубине опала будто вспыхнул крошечный огонь. Старик вздрогнул, и его пальцы судорожно сжались, но он тут же заставил себя разжать их, чтобы не повредить камень. Казалось, опал ответил на вспышку небесного огня своим собственным, внутренним пламенем — крошечным, но живым.

Старик резко спрятал опал в небольшую шкатулку из тёмного дерева, инкрустированную медными узорами. Замок щёлкнул с сухим, неприятным звуком, похожим на хруст кости. Он повернул ключ, вынул его и на мгновение задержал в пальцах, словно решая, куда спрятать и его. Потом сунул ключ в карман жилета и, оглядевшись, подошёл к книжной полке. Там, за рядами потрёпанных томов по минералогии и древним легендам, был тайник — небольшая ниша, замаскированная под заднюю стенку полки. Старик отодвинул одну из книг, нажал на едва заметную выемку, и панель тихо скользнула в сторону. Он положил шкатулку внутрь, задвинул панель и вернул книгу на место. Теперь никто не смог бы догадаться, что за ней скрывается пустота.

Тишина в комнате стала густой, почти осязаемой. Старик вытер ладонью лоб, хотя в комнате было прохладно, и на се-

кунду прикрыл глаза. Он знал: это не конец. Он слишком долго хранил опал, слишком долго пытался удержать проклятие в узде. И теперь оно чувствовало, что его время приближается.

Через несколько минут тишину разорвали тяжёлые шаги на лестнице. Они были неторопливыми, уверенными, будто тот, кто поднимался, уже считал этот дом своим. Старик замер, прислушиваясь. Шаги остановились у двери. В воздухе повисло ожидание, похожее на натянутую струну, готовую лопнуть.

Дверь распахнулась с резким скрипом, который прозвучал в тишине как выстрел. Старик инстинктивно отступил назад, прижимая руку к груди, будто пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Но в комнату вбежал не преследователь, не человек в чёрном плаще, не агент тайной организации — а его внук, молодой парень лет двадцати пяти, с растрёпанными волосами и горящими от волнения глазами. Он тяжело дышал, будто бежал несколько кварталов без остановки.

— Дед! — выкрикнул он, оглядываясь через плечо, будто ожидая, что кто-то последует за ним. — Они идут! Я видел их у перекрёстка — двое в тёмных пальто, один с рацией. Они спрашивали про тебя!

Старик на мгновение расслабился, но тут же снова напрягся. Опасность не миновала — она просто приняла другой облик.

— Тише, тише, — прошептал он, жестом призывая внука говорить тише. — Не надо, чтобы они слышали.

— Я не мог предупредить по телефону, — задыхаясь, сказал внук. — Мне показалось, что линию слушают. Я побежал сразу, как только понял...

— Ты молодец, — кивнул старик, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё сжималось от тревоги. — Ты всё сделал правильно.

Внук шагнул вперёд, собираясь что-то сказать, но старик поднял руку, останавливая его.

— Слушай меня внимательно, — произнёс он, глядя внуку прямо в глаза, и в его взгляде была такая твёрдость, какой внук не видел у деда никогда прежде. — Если они найдут шкатулку — не отдавай её. Ни за что. Не торгуйся, не пытайся договориться, не верь их обещаниям. Просто не отдавай.

— Но что в ней такого? — спросил внук, нахмурившись. — Почему они так хотят её получить?

— В ней — то, что может сжечь целый город, — тихо ответил старик, и его голос прозвучал как приговор. — Не в прямом смысле, но в конечном итоге — да. Этот камень... он не просто помнит огонь. Он его зовёт. Каждый раз, когда кто-то берёт его в руки, где-то загорается новый пожар. И чем сильнее страх того, кто его держит, тем ярче горит пламя.

Внук побледнел, будто эти слова обожгли его.

— Тогда давай выбросим его! — воскликнул он, но старик

покачал головой.

— Нельзя. Он не исчезнет от этого. Он найдёт путь обратно. Единственный способ — спрятать его там, где нет ни страха, ни огня. Где тишина и холод. Но сейчас у нас нет времени. Сейчас нужно просто не отдать его.

Тяжёлые шаги снова слышались на лестнице — теперь они были ближе. Кто-то поднимался на этот этаж.

— Они здесь, — прошептал внук, и его глаза расширились от ужаса.

Старик коротко кивнул, будто подтверждая то, что и так знал.

— Иди через заднюю дверь, — сказал он, указывая на узкий проход за книжными полками. — Выйди во двор, обойди дом и жди меня у старого дуба. Если я не приду через час — уходи. Уезжай из города. И помни: шкатулку не отдавать.

— Но я не оставлю тебя! — запротестовал внук.

— У тебя нет выбора, — жёстко сказал старик, и в его голосе прозвучала такая властность, что внук невольно отступил на шаг. — Я стар, и они придут за мной. А ты — ты можешь спасти то, что я хранил. Просто сделай, как я сказал.

Ещё один шаг на лестнице, ближе, ещё ближе. Скрип половицы прозвучал как щелчок затвора.

Старик успел только прошептать:

— Если найдут — не отдавай...

И исчез в задней двери, бесшумно, почти призрачно, будто растворился в полумраке коридора. Внук замер на мгно-

вание, пытаюсь осознать, что только что произошло. Он хотел броситься за дедом, но понимал: если он пойдёт туда, оба окажутся в ловушке.

Он огляделся, пытаюсь найти шкатулку, но не знал, куда дед её спрятал. Книжные полки стояли рядами, одинаковые, безликие, и любая из них могла скрывать тайник.

Шаги за дверью стали громче. Ручка повернулась.

В последний момент внук заметил, как одна из книг на полке чуть выступает вперёд. Он потянулся к ней, но дверь распахнулась, и в комнату вошли двое мужчин в тёмных пальто. Один из них держал в руке небольшой прибор, похожий на детектор металла, и экран его мерцал, указывая направление.

— Где он? — спросил первый, голос его был низким и холодным, как зимний ветер.

— Кто? — переспросил внук, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Не притворяйся, — рявкнул второй, делая шаг вперёд. — Мы знаем, что он здесь. И знаем, что ты пришёл предупредить его. Где старик? И где шкатулка?

Внук сжал кулаки, чувствуя, как страх сжимает горло, но вспомнил слова деда: «Не отдавай». Он должен был выиграть время.

— Я ничего не знаю, — сказал он, стараясь говорить твёрдо. — Я только что пришёл. Увидел открытую дверь и зашёл...

Первый мужчина подошёл ближе, пристально глядя на внука, будто пытаясь прочесть его мысли. Прибор в его руке замерцал ярче.

— Лжёшь, — процедил он. — Этот прибор чувствует не металл. Он чувствует... тепло. И здесь оно есть. Где шкатулка?

Внук почувствовал, как холодный пот стекает по спине. Он не знал, что делать. Но он знал одно: он не может отдать то, что доверил ему дед.

В этот момент молния снова вспыхнула за окном, на секунду озарив комнату призрачным светом. И в этой вспышке внук заметил, как на полке, совсем рядом, тень от книги легла чуть иначе, чем на остальные. Он едва заметно косил глаза, запоминая место.

— Я правда ничего не знаю, — повторил он, стараясь смотреть прямо в глаза мужчине, не выдавая своего знания.

Тот прищурился, будто взвешивая, верить ли ему. Прибор в его руке продолжал мерцать, указывая на полку.

— Ладно, — наконец произнёс он, отступая на шаг. — Мы подождём. Старик не мог уйти далеко. А когда он вернётся, мы будем здесь.

Они вышли из комнаты, оставив дверь открытой, и спустились вниз по лестнице, их тяжёлые шаги постепенно затихали.

Когда тишина снова окутала комнату, внук бросился к полке. Он отодвинул нужную книгу, нажал на выемку, и па-

нель скользнула в сторону. Внутри лежала шкатулка — та самая, тёмная, с медными узорами. Он схватил её, сунул под куртку и, не теряя ни секунды, выскользнул через заднюю дверь, туда, где ждал старый дуб и, возможно, дед.

А в комнате, оставшейся пустой и тихой, на столе медленно остывала медная лампа, и в воздухе всё ещё витал едва уловимый запах гари — будто огонь уже начал своё путешествие.

Глава 1. Закрытый фонд

Утро в музее начиналось как обычно: коридоры ещё пахли ночной тишиной, а первые лучи солнца, пробиваясь сквозь высокие окна, ложились на мраморные полы длинными золотистыми полосами. Но для Алёны этот день с самого начала пошёл не по плану.

Она пришла пораньше, чтобы закончить реставрацию бронзового подсвечника XVIII века — мелкие детали требовали терпения и ровного света. В наушниках тихо играл джаз, который помогал ей не замечать гулкое одиночество пустых залов. Алёна аккуратно протёрла тряпочкой потемневшую патину, когда её телефон коротко вибрировал на столе.

Сообщение от начальника отдела фондов: «Алёна, срочно зайди в закрытый фонд. Там проблема с витриной в зале Б. Стекло будто оплавилось изнутри. Никто не понимает, как это возможно».

Алёна нахмурилась. Оплавившееся стекло без источника огня — это не просто странно, это физически почти невозможно. Она сняла перчатки, убрала инструменты и направилась к служебному коридору, который вёл к закрытым фондам.

Закрытый фонд был местом, где время будто застыло. Тяжёлые металлические двери с кодовыми замками, приглу-

шѐнный свет ламп, запах старой бумаги и пыли, смешанный с едва уловимым ароматом спирта для консервации. Здесь не было витрин и табличек для посетителей — только стеллажи, ящики, коробки с инвентарными номерами и строгие правила.

Хранитель фонда, Игорь Петрович, ждал её у витрины. Это был невысокий, сухощавый мужчина лет шестидесяти, с седыми висками и привычкой поправлять очки на переносице, будто они могли помочь ему лучше разглядеть подвох в любой ситуации. Он нервно постукивал пальцами по стеклу, глядя на странное пятно.

— Вот, смотри, — сказал он, когда Алёна подошла ближе. — Прямо по центру. Будто стекло плавилось изнутри, но никаких нагревательных элементов тут нет. Ни проводки, ни ламп. Да и температура в зале стабильная: двадцать градусов, не больше.

Алёна наклонилась, рассматривая пятно. Оно было неровным, с волнистыми краями, словно кто-то провёл по стеклу раскалённым пальцем. Поверхность выглядела так, будто её оплавили, но не до конца — стекло не растеклось, а именно деформировалось, образовав странные бугорки и впадины.

— Странно, — пробормотала Алёна, доставая из сумки лупу и небольшой набор инструментов для осмотра. — Очень странно. Такое бывает при локальном перегреве, но тут нет ни следов замыкания, ни оплавленной проводки.

— Именно, — кивнул Игорь Петрович, снова поправляя очки. — Я уже проверил всю систему. Ничего. Как будто стекло решило само себя поджарить.

Алёна достала фотоаппарат и сделала несколько снимков под разными углами, фиксируя структуру пятна. Потом аккуратно провела по поверхности специальным щупом, проверяя температуру. Прибор показал обычные двадцать с небольшим градусов — никакого перегрева.

— Может, это какой-то химический реагент? — предположила она, хотя сама не верила в эту версию. Химикаты не оставляли таких следов.

— Исключено, — покачал головой Игорь Петрович. — В этом зале ничего не распыляли. Да и пятно появилось буквально за ночь. Вчера всё было нормально.

Алёна ещё раз осмотрела витрину, пытаясь найти хоть какое-то объяснение. И тут её взгляд зацепился за небольшую шкатулку, стоявшую на полке прямо за стеклом, чуть в стороне от основного экспоната. Шкатулка была не музейной — по крайней мере, на ней не было инвентарного номера. Она была сделана из тёмного дерева, инкрустированного медными узорами, и выглядела так, будто её принесли из чьей-то личной коллекции.

— А это что за предмет? — спросила Алёна, указывая на шкатулку.

Игорь Петрович на мгновение замер, будто не хотел отвечать.

— Шкатулка... Да, она тут давно. Из старых поступлений. Её никто не выставял, она просто хранилась здесь.

— Почему на ней нет номера?

— Потому что... — он запнулся, подбирая слова. — Потому что её никто не оформлял как экспонат. Она пришла вместе с партией документов, и её просто поставили на полку. Никто не придавал ей значения.

В его голосе прозвучала неуверенность, которая сразу насторожила Алёну. Она привыкла, что в музее всё должно быть учтено, пронумеровано и описано. А эта шкатулка выглядела как забытая деталь чьей-то чужой жизни.

— Можно её осмотреть? — спросила Алёна. — Может, она как-то связана с этим пятном.

Игорь Петрович замялся, потёр подбородок и снова поправил очки.

— Вообще-то, трогать ничего нельзя без специального разрешения... — начал он, но Алёна перебила его мягко, но настойчиво:

— Игорь Петрович, стекло оплавилось без причины. Если эта шкатулка как-то причастна, мы должны это выяснить. Иначе мы рискуем потерять экспонаты.

Он помолчал ещё несколько секунд, потом вздохнул и кивнул:

— Ладно. Но только быстро. И аккуратно.

Алёна надела тонкие реставрационные перчатки, открыла витрину и осторожно достала шкатулку. Дерево было хо-

лодным на ощупь, но медные узоры казались чуть тёплыми, будто хранили остатки чьего-то тепла. Она поставила шка-тулку на стол и осмотрела её со всех сторон. Никаких надпи-сей, кроме едва заметных царапин на меди, которые могли быть чем угодно — от случайных повреждений до древних символов.

— Замок закрыт, — заметил Игорь Петрович, наблюдая за ней. — Ключ где-то в ящике, но я не уверен, что стоит её открывать.

— Если мы не посмотрим, что внутри, мы не поймём, свя-зано ли это с пятном, — возразила Алёна. — Дайте ключ, пожалуйста.

Он снова замялся, но потом достал из кармана связку ключей, нашёл среди них маленький медный ключик и про-тянул его Алёне.

— Только быстро, — повторил он.

Алёна вставила ключ в замок. Механизм щёлкнул с сухим звуком, который прозвучал в тишине комнаты как выстрел. Она медленно подняла крышку.

Внутри, на тёмно-бордовой бархатной подкладке, лежал опал.

Камень был необычным. Не гладкий, как большинство драгоценных камней, а слоистый, будто собранный из тон-ких пластин, переливающихся всеми оттенками огня: от ян-тарного до тёмно-багрового. Он выглядел так, словно внут-ри него всё ещё жила искра.

Алёна замерла на мгновение, разглядывая камень. Что-то в нём притягивало взгляд, заставляя всматриваться глубже, туда, где переливчатые цвета сплетались в причудливые узоры.

— Никогда такого не видела, — тихо сказала она, почти про себя.

— Красивый, — согласился Игорь Петрович, но в его голосе не было восхищения, скорее тревога. — Но я не помню, чтобы он числился в описи.

Алёна осторожно коснулась опала кончиком пальца. Камень был холодным, но едва её кожа соприкоснулась с его поверхностью, по пальцам пробежал странный жар, будто электрический импульс. На долю секунды перед глазами мелькнул чужой силуэт в дыму — человек, протягивающий руку, будто зовущий за собой. Видение было настолько ярким, что Алёна на мгновение забыла, где находится.

А потом оно исчезло, оставив после себя лишь лёгкое головокружение и ощущение, будто она только что вдохнула слишком много дыма.

Алёна моргнула, пытаясь прогнать наваждение.

— Всё в порядке? — спросил Игорь Петрович, заметив, как она побледнела.

— Да, — ответила Алёна, стараясь говорить спокойно. — Просто... на секунду потемнело в глазах. Наверное, устала. Вчера допоздна работала.

Она не хотела говорить ему о видении. Не потому, что не

доверяла, а потому, что сама не знала, что это было. Галлюцинация? Усталость? Или что-то ещё?

— Надо убрать его обратно, — торопливо сказал Игорь Петрович, будто боялся, что камень может причинить вред. — И закрыть витрину.

Алёна кивнула, но прежде чем положить опал обратно, она ещё раз взглянула на него. В глубине камня мелькнул крошечный отблеск, похожий на вспышку далёкого огня. Или ей просто показалось?

Она аккуратно уложила камень на бархат, закрыла шка-тулку и вернула её на полку. Потом закрыла витрину и сделала ещё несколько снимков пятна, чтобы зафиксировать его состояние.

— Я сделаю анализ образцов стекла, — сказала она, уби-рая инструменты. — Может, удастся понять, что с ним про-изошло.

— Хорошо, — кивнул Игорь Петрович, но его взгляд всё ещё был прикован к витрине, будто он ждал, что пятно нач-нёт расти прямо на глазах. — Только... не говори никому про шкатулку. Пока не разберёмся.

— Договорились, — ответила Алёна, хотя внутри у неё всё ещё звенело от странного ощущения, которое оставил после себя опал.

Когда она вышла из закрытого фонда, коридор показался ей чуть темнее, чем раньше, а воздух — чуть тяжелее. Она остановилась на мгновение, прислушиваясь к тишине музея.

Где-то далеко хлопнула дверь, и звук эхом прокатился по пустым залам.

Алёна глубоко вздохнула, пытаясь вернуть себе привычное спокойствие. Но в голове всё ещё крутилось видение: си-
луэт в дыму, протянутая рука, ощущение чужого страха.

«Это просто усталость», — повторила она про себя, как заклинание. Но где-то глубоко внутри она знала: это было что-то большее. И она ещё не раз вспомнит этот опал.

Вернувшись в свою мастерскую, Алёна достала образцы стекла и начала готовить их для анализа. Она старалась сосредото-
читься на работе, на точных движениях, на цифрах и фактах, которые всегда помогали ей держать мир в порядке. Но её взгляд то и дело возвращался к маленькой коробочке, в которую она положила опал для временного хранения — Игорь Петрович разрешил взять его на пару дней для изучения.

Камень лежал внутри, тихий и неподвижный, но Алёна чувствовала его присутствие, будто он был не предметом, а живым существом, которое ждало своего часа.

Она наклонилась ближе, всматриваясь в его переливы. И в этот момент, когда свет лампы упал на поверхность опала под нужным углом, в глубине камня снова мелькнула крошечная вспышка — как отголосок далёкого пожара.

Алёна резко отпрянула, сердце забилось быстрее. Она по-
смотрела по сторонам, будто кто-то мог заметить, что с ней происходит. Но мастерская была пуста, только тиканье ста-

рых часов на стене отсчитывало секунды.

«Просто игра света», — сказала она себе, но голос прозвучал не так уверенно, как раньше.

Она закрыла коробочку и убрала её в сейф, подальше от любопытных глаз. Но знала: это не конец. Странное пятно на стекле, забытая шкатулка, опал, который будто жил своей жизнью, — всё это было только началом. И Алёна чувствовала, что скоро ей придётся столкнуться с чем-то, что не поддаётся никакому научному объяснению.

Глава 2. Пятно на стекле

Лаборатория реставрационного отдела была тесной, но уютной: вдоль стен тянулись стеллажи с банками, коробками и папками, на столах громоздились микроскопы, весы, штативы, а в углу тихо гудел холодильник для хранения особо чувствительных образцов. Алёна любила это место за его предсказуемость: здесь всё подчинялось законам физики и химии, и даже самое странное явление можно было разложить на составляющие. Именно поэтому пятно на музейном стекле так её тревожило — оно отказывалось укладываться в привычные формулы.

Алёна разложила на столе снимки, сделанные утром в закрытом фонде: фото под разными углами, с макросъёмкой, с поляризационным фильтром. Пятно выглядело как застывшая волна — будто стекло действительно плавилось изнутри, но не растекалось, а деформировалось, образуя бугорки и впадины с гладкой, почти зеркальной поверхностью.

Она взяла один из образцов — небольшой скол по краю пятна — и поместила его под микроскоп. Включила подсветку, настроила фокус. В окуляре открылась странная картина: структура стекла напоминала оплавленные слои, будто его нагревали точечно, но при этом не разрушали полностью. Температура, при которой стекло начинает вести себя так, должна была быть экстремальной — не меньше 800–1000

градусов. Но в витрине не было ни нагревательных элементов, ни следов замыкания, ни даже намёка на локальный перегрев.

— Это невозможно, — пробормотала Алёна, откидываясь на спинку стула и потирая переносицу. — Просто невозможно.

В этот момент в дверь постучали, и в лабораторию заглянул Игорь Петрович. Он держал в руках папку с документами и выглядел так, будто пытался убедить себя, что всё в порядке.

— Ну что, есть какие-то мысли? — спросил он, осторожно заглядывая внутрь, будто боялся, что лаборатория может его не пустить.

— Пока только вопросы, — ответила Алёна, подвигая к нему снимки. — Смотрите: структура оплавления очень специфическая. Стекло будто плавилось изнутри. Но никаких источников тепла нет. И самое странное — пятно появилось буквально за ночь.

Игорь Петрович нахмурился, разглядывая фото.

— Может, это какой-то дефект материала? — предположил он.

— Дефект не появляется за одну ночь, — покачала головой Алёна. — И не образует такие ровные, почти скульптурные формы. Это выглядит как результат воздействия высокой температуры, но без открытого огня.

— Звучит как магия, — усмехнулся Игорь Петрович, но

улыбка вышла натянутой.

— Не надо так говорить, — серьёзно сказала Алёна. — Это только усложняет дело.

Он кивнул, будто соглашаясь, и на мгновение замолчал, собираясь с мыслями.

— А шкатулка... и этот камень, — тихо произнёс он, понизив голос, будто кто-то мог их подслушать. — Ты думаешь, они как-то связаны?

Алёна хотела сказать «нет», хотела убедить его и себя, что это просто совпадение. Но вспомнила странный жар, пробежавший по пальцам, и силуэт в дыму.

— Не знаю, — честно призналась она. — Но я хочу проверить. Я взяла опал на пару дней для изучения. Хочу посмотреть, как он ведёт себя при разных температурах и освещении.

Игорь Петрович поморщился, будто ему было неприятно слышать эти слова.

— Только аккуратно, — предупредил он. — И никому не говори. Сам не знаю почему, но мне кажется, что чем меньше людей знают про этот камень, тем лучше.

— Договорились, — кивнула Алёна.

Остаток дня она провела, делая дополнительные замеры, фотографируя образцы под разными фильтрами и записывая наблюдения. Периодически она поглядывала на небольшую коробочку, стоявшую в сейфе. Камень внутри был тихим, неподвижным, но Алёна всё равно чувствовала его присут-

ствие, будто он ждал своего часа.

Когда часы показали шесть, она поняла, что пора собираться домой. Усталость накатывала волнами, а дедлайн по реставрации подсвечника всё ближе — ей нужно было успеть закончить работу к пятнице, иначе экспонат не успеют выставить к открытию новой экспозиции.

Дома квартира встретила её привычной тишиной и запахом кофе, который она забыла выключить утром. Алёна бросила сумку на стул, скинула куртку и первым делом достала коробочку с опалом. Она поставила её на стол, сняла крышку и снова посмотрела на камень.

Опал лежал на бархатной подкладке, спокойный и холодный, будто обычный минерал. Но стоило Алёне подумать о дедлайне, о том, сколько всего нужно успеть, как камень слабо замерцал. Это было едва заметное свечение, похожее на отблеск далёкой молнии в глубине стекла.

Алёна замерла, не сводя глаз с камня.

«Это просто отражение света», — повторила она про себя, но голос прозвучал неуверенно.

Она достала телефон, чтобы засечь время и сделать несколько снимков, но в этот момент камень вспыхнул чуть ярче, и перед глазами мелькнуло лицо женщины — молодой, с тёмными волосами, собранными в небрежный пучок. Женщина кричала в темноте, её глаза были расширены от ужаса, а вокруг клубился густой чёрный дым.

Видение длилось всего секунду, но этого хватило, чтобы

Алёна отпрянула, уронив телефон на стол. Сердце колотилось где-то в горле, а руки дрожали.

— Нет, нет, нет, — прошептала она, закрывая глаза и пытаясь прогнать наваждение. — Это просто усталость. Просто нервы.

Но когда она снова открыла глаза, опал продолжал слабо мерцать, будто отзываясь на её страх.

Алёна резко захлопнула коробочку и убрала её обратно в сумку. Ей вдруг стало казаться, что камень не просто реагирует на её эмоции — он питается ими, вытягивая из неё страх и превращая его в эти жуткие вспышки.

Остаток вечера она пыталась отвлечься: включила сериал, заварила чай, даже попыталась почитать книгу, но мысли всё время возвращались к женщине в дыму, к пятну на стекле, к странному жару, пробежавшему по пальцам. Дедлайн давил, как тяжёлый груз, и с каждой минутой тревога становилась всё сильнее.

Когда за окном стемнело, Алёна поняла, что не сможет спокойно спать, пока опал находится у неё. Она достала коробочку ещё раз, посмотрела на неё, будто пытаясь найти в ней ответы.

— Ты не можешь быть просто камнем, — прошептала она, обращаясь к опалу, как к живому существу. — Ты что-то делаешь. Ты что-то пробуждаешь.

Камень не ответил, но в глубине его переливов снова мелькнул крошечный отблеск, похожий на далёкий огонь.

Алёна решительно встала, собрала вещи и положила коробочку в сумку. Она знала, что должна вернуть опал в музей. Пусть Игорь Петрович решает, что с ним делать. Она больше не хотела иметь с этим ничего общего.

На следующее утро музей казался чуть более мрачным, чем обычно. Коридоры, которые вчера выглядели уютными и привычными, сегодня казались длинными и бесконечными, будто вели в никуда. Алёна шла по ним, крепко сжимая сумку, в которой лежала коробочка с опалом.

В закрытом фонде Игорь Петрович уже был на месте. Он стоял у витрины и смотрел на пятно, будто надеялся, что за ночь оно исчезнет само собой.

— Алёна, — обернулся он, когда услышал её шаги. — Ты рано.

— Я хотела вернуть это, — сказала Алёна, доставая коробочку и ставя её на стол. — Я не могу его больше держать.

Игорь Петрович посмотрел на коробочку, потом на Алёну, будто пытаясь прочитать в её глазах, что произошло.

— Что-то случилось? — осторожно спросил он.

Алёна колебалась. Сказать ему про видения? Про лицо женщины в дыму? Она боялась, что он подумает, будто она сошла с ума. Или, что ещё хуже, подумает, что она преувеличивает.

— Просто... мне кажется, он опасен, — наконец сказала она. — Камень. Он как-то связан с этим пятном. Я не знаю как, но чувствую это.

Игорь Петрович медленно кивнул, будто ожидал услышать что-то подобное.

— Я тоже так думаю, — признался он, и в его голосе прозвучала усталость человека, который давно знал о проблеме, но надеялся, что она исчезнет сама собой. — Я попробую оформить его как неопознанный предмет и передать в исследовательский отдел. Пусть специалисты разбираются.

— Хорошо, — облегчённо выдохнула Алёна. — Спасибо.

Он взял коробочку, открыл её и на мгновение замер, глядя на опал. Камень лежал спокойно, не мерцая, будто притворялся обычным минералом.

— Странно всё это, — пробормотал Игорь Петрович, закрывая крышку. — Очень странно.

Алёна кивнула, но ничего не сказала. Она знала: странные вещи только начинались. И опал, который сейчас лежал в коробочке, был лишь первой искрой чего-то гораздо большего.

Выйдя из закрытого фонда, Алёна остановилась у окна, чтобы немного прийти в себя. За стеклом город жил своей обычной жизнью: машины ехали по улицам, люди спешили по делам, солнце светило, как ни в чём не бывало. Но где-то внутри неё всё ещё звучало эхо чужого крика, и она знала, что уже никогда не сможет смотреть на огонь так, как раньше.

Глава 3. Странный звонок

Утро началось с привычного ритуала: кофе в керамической кружке с отбитым краем, плейлист с инструментальным джазом, который должен был настраивать на рабочий лад, и короткая пробежка по списку задач. Алёна старалась не думать о вчерашнем дне, о коробочке, которую она вернула Игорю Петровичу, о мерцающем опале и о лице женщины, кричавшей в дыму. Она повторяла про себя: «Теперь это не моя проблема. Пусть разбираются специалисты». Но тревога, поселившаяся где-то под рёбрами, не хотела уходить.

В мастерской было прохладно — кондиционер работал на полную мощность, и воздух пах озоном и свежей бумагой. Алёна достала из шкафа папку с чертежами подсвечника и разложила их на столе. Ей нужно было сосредоточиться на реставрации: до дедлайна оставалось всего три дня, а работа была кропотливой. Но стоило ей взяться за инструменты, как взгляд снова и снова скользил к двери, будто он мог появиться в проёме — опал, шкатулка, Игорь Петрович с тревожным лицом.

Телефон на столе коротко вибрировал, разрывая тишину. Алёна посмотрела на экран: незнакомый номер, без имени, без фото. Она нахмурилась. Обычно такие звонки она сразу сбрасывала, но сегодня рука будто замерла на полпути.

— Алё...на... — прошелестел голос в трубке, тихий, сдав-

ленный, будто человек говорил, прижавшись к стене, чтобы его не слышали.

Она вздрогнула от того, как он произнёс её имя — не как в обычной беседе, а так, словно это был пароль, который нельзя произносить вслух.

— Кто это? — спросила Алёна, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не испуганно.

— Не носи его, — прошептал голос, и в нём слышался настоящий, животный страх. — Он не любит, когда его трогают. Он чувствует.

— Что вы имеете в виду? — Алёна села на край стула, пальцы сжали телефон. — Кто вы? Откуда вы знаете...

Но в трубке уже шли короткие гудки. Она ещё несколько секунд смотрела на экран, будто надеялась, что номер оживёт и даст ей хоть какой-то ответ. Потом медленно положила телефон на стол.

«Это какой-то розыгрыш», — подумала она, но внутри всё сжималось от неприятного, липкого ощущения, что это не так. Кто-то знал про опал. Кто-то знал, что он у неё был. Или всё ещё есть.

Алёна встала, подошла к окну и посмотрела вниз, на улицу. Люди шли по тротуару, кто-то спешил, кто-то медленно, с чашкой кофе, кто-то разговаривал по телефону. Всё выглядело обычным, нормальным, безопасным. Но ей вдруг показалось, что за каждым из них прячется тень, которая знает больше, чем показывает.

Она вернулась к столу, взяла папку с чертежами, но сосредоточиться не могла. Слова незнакомца эхом звучали в голове: «Не носи его. Он не любит, когда его трогают».

«Я его и не ношу, — повторяла она про себя. — Я вернула его вчера. Это теперь проблема Игоря Петровича».

Но тревога только росла.

Через час она не выдержала. Сложила инструменты, надела куртку и направилась к закрытому фонду. Ей нужно было убедиться, что опал действительно там, в надёжном месте, под замком, и что никто не пытается его трогать.

Коридоры музея были почти пусты: основная часть сотрудников ещё занималась подготовкой к новой выставке, и шаги Алёны гулко отдавались от мраморных плит. Она набрала код на панели у двери закрытого фонда, дождалась короткого писка и вошла внутрь.

Игорь Петрович стоял у той же витрины и смотрел на пятно, которое, казалось, стало чуть больше. Он обернулся, когда услышал шаги, и на его лице мелькнуло странное выражение — не то облегчение, не то тревога.

— Алёна, — сказал он, поправляя очки. — Ты что-то забыла?

— Нет, — ответила она, стараясь говорить спокойно. — Просто хотела уточнить... Ты вчера оформил передачу опала в исследовательский отдел?

Он нахмурился, будто не понял вопроса.

— В какой отдел? — переспросил он.

— Ну, опал, — Алёна кивнула на витрину, будто камень мог быть там, прямо за стеклом. — Тот, из шкатулки. Я его тебе вернула вчера. Ты сказал, что передашь его специалистам.

Игорь Петрович медленно снял очки, протёр их платком, снова надел и посмотрел на Алёну так, будто видел её впервые.

— Какой опал? — спросил он тихо.

Алёна почувствовала, как по спине пробежал ледяной холодок.

— Из шкатулки, — повторила она, стараясь не повышать голос. — Тёмное дерево, медные узоры. Внутри был опал — слоистый, с переливчатым блеском. Я принесла его вчера, поставила коробочку на стол. Ты сказал, что оформишь передачу.

Он покачал головой, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на растерянность.

— Я не помню никакой шкатулки, — произнёс он. — И никакого опала.

Алёна сжала кулаки, пытаясь удержать дрожь в пальцах.

— Ты не можешь этого не помнить, — сказала она, и голос её дрогнул, несмотря на все усилия. — Мы говорили про пятно на стекле. Ты согласился, что камень может быть с ним связан. Ты сам сказал, что нужно передать его специалистам.

Игорь Петрович помолчал, будто пытался поймать ускользающую мысль. Потом снова поправил очки и посмотрел

рел на витрину.

— Пятно я помню, — тихо сказал он. — Оно действительно странное. Но шкатулки... Я не помню, чтобы ты её приносила.

Алёна сделала шаг вперёд, чувствуя, как паника подступает к горлу.

— Но я её приносила, — настаивала она. — Я стояла вот здесь, на этом месте. Ставила коробочку на стол. Ты смотрел на неё.

Он медленно покачал головой.

— Прости, Алёна, — произнёс он, и в его голосе прозвучала искренняя растерянность. — Я правда не помню. Может, ты что-то перепутала?

Она хотела закричать, хотела схватить его за плечи и заставить вспомнить. Но понимала: это только сделает всё хуже. Если она начнёт кричать, её отправят к врачу, скажут, что она переутомилась, что ей нужно отдохнуть. А она не была сумасшедшей. Она знала, что приносила шкатулку. Знала.

— Наверное, ты прав, — выдавила она, заставляя себя улыбнуться, хотя улыбка получилась кривой и жалкой. — Наверное, я что-то перепутала. Прости, что отвлекла.

Он кивнул, будто был благодарен ей за то, что она не стала настаивать.

— Ничего, — сказал он. — Бывает. Работа нервная. Ты лучше иди, займись реставрацией. А я ещё посмотрю это пятно.

Алёна развернулась и пошла к выходу. Каждый шаг давался с трудом, будто пол под ней становился зыбким, как болото. Она чувствовала на себе его взгляд, но не оборачивалась.

Когда дверь за ней закрылась, она остановилась в коридоре, прислонившись к холодной стене. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове крутилась одна и та же мысль: «Он не помнит. Он правда не помнит».

Вернувшись в мастерскую, она села на стул и обхватила голову руками. Всё это не имело смысла. Как можно забыть шкатулку, опал, их разговор? Это было не что-то мелкое, не деталь, которую можно упустить. Это было важно. Это было опасно.

Телефон снова вибрировал. Алёна вздрогнула, но на этот раз не стала смотреть на экран. Она просто выключила его и положила в ящик стола. Ей нужно было подумать.

И тут она поняла: коробочки не было в её сумке. Она не брала её обратно. Она оставила её у Игоря Петровича. Но если он не помнит, что она её приносила... значит, либо он лжёт, либо что-то происходит с памятью. Либо с ней.

Алёна встала и подошла к сейфу. Открыла его, проверила полки. Ничего. Никаких следов шкатулки. Никаких следов опала. Только её инструменты, папки, образцы стекла.

Она закрыла сейф и села обратно на стул, чувствуя, как реальность ускользает сквозь пальцы, как вода.

«Никто не должен знать, что камень у меня», — пронес-

лось в голове. Но камня у неё не было. Или был?

Вдруг она вспомнила: вчера вечером, когда она собирала вещи, чтобы вернуть опал, она на мгновение положила коробочку в боковой карман сумки. Потом передумала и переложила её в основное отделение. Или нет? Может, она оставила её дома?

Алёна быстро собрала сумку и выбежала из мастерской. Ей нужно было проверить. Нужно было убедиться, что опала нет ни в музее, ни у неё дома.

Дома квартира встретила её всё той же привычной тишиной, но теперь тишина казалась зловещей, будто кто-то затаился в углу и ждал, когда она войдёт. Алёна бросила сумку на стул, распахнула шкаф и начала вытаскивать вещи, проверяя каждый карман, каждую секцию.

Коробочки не было.

Она опустилась на пол, прислонившись спиной к шкафу, и закрыла глаза. В голове крутились слова незнакомца: «Не носи его. Он не любит, когда его трогают». И слова Игоря Петровича: «Я не помню никакой шкатулки».

Алёна открыла глаза и посмотрела на свою руку. На коже, там, где она касалась опала, остался едва заметный тонкий след — будто лёгкий ожог, который уже почти зажил, но всё ещё напоминал о себе.

Она резко встала, подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Глаза были расширены, лицо бледное, а в взгляде читался страх, который она не могла скрыть.

«Никто не должен знать», — снова подумала она, и теперь эти слова звучали не как предостережение, а как единственный способ выжить.

Алёна вернулась в комнату, достала из ящика чистый блокнот и ручку. Она начала записывать всё, что помнила. про пятно на стекле, про шкатулку, про опал, про странный звонок, про то, что Игорь Петрович не помнит. Каждую деталь, каждую мелочь, чтобы потом, когда всё станет ещё страннее, у неё было доказательство, что она не сошла с ума.

Когда она закончила, блокнот лежал на столе, исписанный её неровным почерком. Алёна закрыла его и убрала в самый дальний ящик. Потом подошла к окну и посмотрела на город, который жил своей обычной жизнью, ничего не зная о том, что происходит с одной реставратором из городского музея.

Она знала: теперь она одна. И никто не должен знать, что опал всё ещё где-то рядом. Даже если она сама не знает, где он.

Глава 4. Первая ночь

Ночь в городе не бывает по-настоящему тихой: где-то вдалеке шуршали шины по асфальту, лифт в подъезде гудел, как уставший зверь, а из соседней квартиры доносился приглушённый голос телевизора. Но для Алёны эта ночь была наполнена странной, звенящей тишиной, которая давила на уши сильнее любого шума.

Она лежала в постели, натянув одеяло до подбородка, и смотрела в потолок, где плясали тени от уличного фонаря. Часы на тумбочке показывали 01:17. Она уже трижды переворачивала подушку, дважды выходила на кухню налить воды, один раз пыталась почитать статью про реставрацию стекла — и всё равно мысли возвращались к одному и тому же: к пятну на витрине, к шкатулке, к словам Игоря Петровича: «Я не помню никакой шкатулки».

«Он не мог забыть, — шептала она себе в темноте, будто пытаясь убедить не кого-то, а саму реальность. — Мы стояли рядом. Я ставила коробочку на стол. Он смотрел на неё».

Но реальность, казалось, не хотела её слушать.

Алёна села на кровати, спустила ноги на прохладный пол и посидела так несколько минут, прислушиваясь к себе. Тревога не уходила — она пульсировала где-то под рёбрами, как тупая боль. И в этот момент она вдруг поняла, что не может оставаться в спальне ни минуты дольше.

Она встала, накинула тёплый халат и пошла в гостиную. Свет включать не стала — ей казалось, что в полумраке будет легче дышать. Комната выглядела чужой: диван с небрежно брошенным пледом, книжные полки, телевизор, который она почти не смотрела, и маленький столик у окна, на котором лежала её сумка.

Сумка стояла так, будто ждала, когда её откроют.

Алёна присела на край дивана, положила руки на колени и несколько раз глубоко вдохнула. Потом резко, будто боясь передумать, расстегнула боковой карман сумки. Пальцы скользнули внутрь, нащупывая ткань, застёжки, мелочь, но не то, что она искала.

Коробочки не было.

Она открыла основное отделение, высыпала содержимое на диван: блокнот, перчатки, ключи, ручку, несколько образцов стекла в пакетиках. Коробочки не было.

— Нет, нет, нет... — прошептала Алёна, перебирая вещи дрожащими руками. — Я же точно её брала. Я хотела вернуть. Я...

Она замерла, вспомнив, как вчера вечером, в панике, металась по квартире, проверяя карманы, потом бросила сумку на стул и выбежала обратно в музей. Может, она оставила коробочку где-то дома? На кухне? В прихожей?

Алёна вскочила и начала обходить квартиру, заглядывая в каждый угол, включая те места, где коробочка никак не могла оказаться. В ванной, на стиральной машине, лежала

только её старая косметичка. На полке в прихожей — ключи и перчатки. На кухонном столе — кружка с остывшим чаем и блокнот, в который она записывала всё, что помнила.

И тут она увидела её.

Коробочка стояла на полке над микроволновкой — там, куда Алёна обычно ничего не ставила. Она была закрыта, тёмное дерево и медные узоры поблёскивали в свете уличного фонаря, проникавшего через окно.

— Как ты тут оказалась? — прошептала Алёна, будто коробочка могла ей ответить.

Она не помнила, чтобы ставила её туда. Не помнила даже, чтобы брала с собой из музея. Но вот она — стоит, тихая, неподвижная, будто всегда была здесь.

Алёна медленно подошла, сняла коробочку с полки и поставила на стол. Пальцы слегка дрожали, когда она поворачивала маленький ключик в замке. Щёлк. Крышка поднялась.

Внутри, на тёмно-бордовой бархатной подкладке, лежал опал.

В комнате было темно, но камень слабо мерцал, будто внутри него тлел крошечный уголёк. Свет был неярким, ритмичным, как слабое сердцебиение.

— Ты... живой? — прошептала Алёна, наклоняясь ближе.

Камень не отвечал. Но стоило ей подумать о том, как сильно она устала, как страх снова подступил к горлу, мерцание стало чуть ярче.

Алёна отшатнулась, будто опал мог её обжечь. Но любопытство оказалось сильнее страха. Она осторожно коснулась камня кончиками пальцев. Он был холодным, почти ледяным, но по коже пробежал странный жар, похожий на электрический импульс.

И вдруг перед глазами вспыхнула сцена — не просто образ, а целая картина, живая и объёмная.

Мужчина в старинном костюме — тёмный сюртук, высокий воротник, манжеты с запонками — бежал по длинному коридору. Его шаги гулко отдавались от стен, а за ним тянулся густой чёрный дым, который стелился по полу, как живое существо. Мужчина оглядывался через плечо, его лицо было искажено страхом. В руке он сжимал что-то маленькое и блестящее — Алёна не успела разглядеть, что именно.

Коридор был ей смутно знаком: лепнина на потолке, высокие двери с резными ручками, паркет с узором «ёлочка». Это был не современный дом — это было здание начала XX века. Возможно, тот самый особняк, который позже перedelали под музей.

За спиной мужчины что-то грохотало. Полы вздрагивали, штукатурка сыпалась с потолка. Он добежал до поворота, рванул дверь на себя и исчез за ней. В тот же миг из-за угла вырвался язык пламени, лизнул стену и пополз вверх, пожирая дерево и краску.

Видение было настолько ярким, что Алёна не просто видела его — она чувствовала. Чувствовала жар, который нака-

тывал волнами, запах гари, едкий, тяжёлый, пробирающийся в лёгкие. Она слышала треск дерева, крики где-то вдалеке, звон разбитого стекла.

Это длилось всего несколько секунд, но Алёне показалось, что прошла целая вечность.

Она резко отдёргнула руку, и камень перестал мерцать. Видение исчезло, оставив после себя только запах гари — или ей так казалось. Алёна глубоко вдохнула, пытаясь прогнать этот запах, но он будто въелся в ноздри.

Дрожащими руками она потянулась к коробочке, чтобы положить опал обратно, но пальцы соскользнули, и камень выпал из её ладони. Он ударился о столешницу с глухим стуком, перекатился на пару сантиметров и замер.

Алёна зажмурилась, ожидая услышать треск разбитого камня, но опал остался целым. Ни трещины, ни скола — будто он был сделан не из хрупкого минерала, а из чего-то гораздо более прочного.

Она осторожно подняла его и снова посмотрела на поверхность. Теперь в глубине опала не было мерцания. Он выглядел как обычный камень — холодный, слоистый, переливающийся тусклыми оттенками янтаря и багрового.

Но Алёна знала: это не просто камень.

— Ты показываешь прошлое, — прошептала она, не сводя с него глаз. — Но это не воспоминания. Это... живые сцены. Ты не просто хранишь их. Ты их проигрываешь.

Опал молчал. Но в его глубине, едва заметно, мелькнул

крошечный отблеск, похожий на искру.

Алёна резко захлопнула крышку коробочки, заперла замок и сунула её в самый дальний угол ящика стола. Потом задвинула ящик и прижала к нему ладонь, будто это могло удержать камень внутри.

Она села на стул, обхватив себя руками, и попыталась выровнять дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, а руки всё ещё дрожали.

«Я должна кому-то рассказать», — подумала она. Но тут же вспомнила лицо Игоря Петровича и его слова: «Я не помню никакой шкатулки». Если даже он не помнит, кто ей поверит? Коллеги решат, что она сошла с ума. Начальник отправит её на больничный. А камень... камень останется, и кто-то другой снова попытается с ним разобраться.

Алёна встала и подошла к окну. Город внизу жил своей жизнью: редкие машины, светящиеся окна, одинокие фигуры прохожих. Всё выглядело нормальным, безопасным, обычным. Но где-то внутри неё росло понимание: с этой минуты её жизнь уже никогда не будет прежней.

Она вернулась к столу, достала блокнот и снова начала писать. Писать всё, что видела, всё, что чувствовала: про мерцание, про мужчину в коридоре, про запах гари, про то, как опал упал, но не разбился. Каждую деталь, каждую мелочь, чтобы потом, когда всё станет ещё страннее, у неё было доказательство, что она не сошла с ума.

Когда она закончила, страницы были исписаны её неров-

ным почерком, а рука устала держать ручку. Алёна закрыла блокнот и убрала его обратно в ящик, рядом с коробочкой. Потом села и уставилась в темноту комнаты, пытаясь понять, что делать дальше.

«Если камень реагирует на эмоции, — подумала она, — значит, я должна держать себя в руках. Не волноваться. Не бояться. Тогда он не будет показывать эти сцены».

Она попыталась сосредоточиться на чём-то спокойном: на шуме дождя, на ритме дыхания, на воспоминаниях о детстве, когда бабушка заваривала чай и рассказывала сказки. Но стоило ей вспомнить лицо мужчины из видения, как в груди снова поднималась волна тревоги.

И в этот момент коробочка в ящике едва заметно дрогнула. Или ей показалось?

Алёна замерла, прислушиваясь. В комнате было тихо. Только часы на кухне отсчитывали секунды.

«Это просто нервы», — сказала она себе. Но голос прозвучал не так уверенно, как раньше.

Она легла на диван, натянула плед до подбородка и закрыла глаза. Ей нужно было уснуть. Нужно было отдохнуть. Но она знала: эта ночь будет долгой. И опал, спрятанный в ящике, будет ждать, когда её страх снова станет достаточно сильным, чтобы показать ей ещё одну сцену из прошлого.

Где-то далеко хлопнула дверь подъезда. Звук эхом прокатился по лестничной клетке и затих. Алёна лежала неподвижно, вцепившись пальцами в плед, и слушала тишину,

которая теперь казалась ей не пустой, а наполненной чужими криками, треском огня и тяжёлыми шагами бегущего по коридору человека.

Глава 5. Случайный ожог

Утро в реставрационной мастерской пахло, спиртом и старой бронзой — запах, который Алёна раньше находила почти уютным. Сегодня он казался чужим, будто принадлежал другому месту, другой жизни, где не было мерцающих камней и видений, от которых стынет кровь.

Алёна старалась вести себя как обычно: надела белый халат, завязала волосы в тугий хвост, проверила инструменты, разложила чертежи подсвечника. Она повторяла про себя: «Сегодня обычный день. Я просто делаю свою работу. Никаких чудес, никаких видений». Но взгляд то и дело скользил к сейфу, где она спрятала коробочку с опалом. Она взяла её утром из стола. Не хотелось оставлять её без присмотра.

Сейф стоял у стены, тяжёлый, надёжный, с потёртой металлической поверхностью и круглым циферблатом кодового замка. Он казался островком безопасности в мире, который становился всё более странным.

— Алёна, ты сегодня какая-то бледная, — сказала Марина, лаборантка, заглядывая в мастерскую с чашкой кофе в руках. — Всё из-за этого дедлайна? Или опять до ночи сидела над образцами?

Алёна заставила себя улыбнуться. Улыбка вышла натянутой, но Марина, кажется, не заметила.

— Немного устала, — ответила она, стараясь говорить

спокойно. — Но ничего, кофе поможет.

Марина поставила чашку на край стола, поближе к Алёне.
— Держи. И не гони себя. Экспонат никуда не убежит. А если куратор начнёт давить, скажи мне — я с ним поговорю.
— Спасибо, — кивнула Алёна, и на мгновение ей стало чуть легче. Просто знать, что кто-то рядом, кто не смотрит на тебя как на сумасшедшую, было важно.

Марина ещё немного поболтала о пустяках — о новой выставке, о том, что в музее опять поменяли расписание, о странном запахе гари, который кто-то почувствовал в восточном крыле, но потом ушла заниматься своими делами. Алёна осталась одна, и тишина снова стала давить на уши.

Она вернулась к подсвечнику. Это был бронзовый предмет конца XIX века: изящные завитки, тонкие детали, потемневшая патина, которую нужно было аккуратно очистить, не повредив рельеф. Алёна взяла маленький металлический скребок и начала осторожно удалять наслоения. Движения были привычными, почти автоматическими, и это помогало ей не думать о камне в сейфе.

Но стоило ей на секунду отвлечься, как перед глазами снова вставал мужчина в старинном костюме, бегущий по коридору, а за ним — тянущийся шлейф дыма. Алёна встряхнула головой, прогоняя видение.

«Сосредоточься на работе, — сказала она себе. — Только на работе».

Она наклонилась ближе, чтобы рассмотреть одну из де-

талей — тонкий завиток, который почти полностью скрылся под слоем грязи и окислов. Рука скользнула по металлической поверхности подсвечника, и в тот момент, когда она хотела поправить скребок, её палец соскользнул и коснулся острого края другой детали.

Острая, резкая боль пронзила подушечку пальца. Алёна отдернула руку, но было уже поздно. На коже выступила крошечная капля крови.

— Чёрт, — прошептала она, прижимая палец к халату, чтобы остановить кровь.

Боль была не сильной, но внезапной, и вместе с ней по телу прокатилась волна раздражения и страха. Алёна закрыла глаза, пытаясь успокоиться, но в этот момент что-то произошло.

В мастерской стало светлее.

Не так, будто кто-то включил дополнительную лампу, и не так, будто солнце вдруг пробилось сквозь плотные шторы. Это было другое освещение — яркое, резкое, будто вспышка молнии, которая на долю секунды озарила комнату.

Алёна открыла глаза. Мастерская выглядела как обычно: стол, инструменты, чертежи, сейф у стены. Коллеги в соседних комнатах продолжали заниматься своими делами, никто не кричал, никто не спрашивал, что случилось. Для них ничего не произошло.

А для Алёны — произошло.

Перед глазами вспыхнула новая сцена.

Старый дом — не особняк, а обычный городской дом начала XX века, с облупившейся краской и покосившейся верандой. Пламя уже охватило крыльцо и ползло вверх по стенам, пожирая дерево, как голодный зверь. В окне второго этажа мелькнуло лицо женщины — молодой, с растрёпанными волосами и широко раскрытыми от ужаса глазами. Она прижимала к себе ребёнка, закутанного в тонкое одеяло. Ребёнок плакал, но его плач тонул в рёве огня.

Женщина кричала, но слов было не разобрать — только отчаяние, только мольба, только страх, который висел в воздухе, как густой дым. Она металась по комнате, искала выход, но дверь уже была охвачена огнём, а окно слишком высоко.

Сцена была такой яркой, что Алёна не просто видела её — она чувствовала жар, который накатывал волнами, слышала треск дерева, звон разбитого стекла, крики людей на улице. Она даже чувствовала запах гари, едкий и тяжёлый, будто он вьёлся в её кожу и волосы.

И в центре этой сцены, в самом сердце пожара, мелькнул крошечный отблеск — такой же, какой она видела в опале. Как будто камень был не просто свидетелем трагедии, а её причиной.

Видение длилось всего несколько секунд, но Алёне показалось, что прошла целая вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.